

Зеленые просторы и ивы.

Изумрудно-зеленые почки вытянулись, свесившись к подернутой рябью озерной воде. В тени сидел путник и наигрывал на сяо*.

*П/п: Китайская продольная флейта

Черная одежда, черная обувь.

Зеленая сяо, сверкающая, и теплая и холодная, изготовленная в Ланьтяне из лучшего нефрита.

Человек белый, руки белые, шея белая, губы красные, и зубы белые.

— Зеленая сяо Тайху, ничего особенного.

Когда мелодия подошла к концу, редкая нефритовая сяо полетела в озеро Тайху.

Разбежались круги по воде, ослепляя его, но Бай Шаоцин равнодушно улыбался.

Прошлой ночью был убит еще один человек. Тайху Люсяо, известный по всему Цзянху талантливый человек. Бай Шаоцин убил его, но не за зеленую флейту, которая не бросается в глаза. На сей раз он сделал это из-за женщины.

Чжан Цинъи из Эмэй, ученица обычной семьи, ослепленная любовью дочь.

Одержимая любовью, она собиралась передать технику Эмэй возлюбленному, который даже не знал ее имени. Одержимая любовью, она вышла замуж за Сяо Чжэнъяня, но все равно продолжала тосковать о нем днем и ночью.

Чжан Цинъи стала вдовой прошлой ночью. Она получила статус вдовы и собственность семьи Сяо — озеро Тайху. Вдобавок она избавилась от пренебрежения и издевательств со стороны Сяо Чжэнъяня.

Глядя в зеленеющую воду озера, Бай Шаоцин улыбнулся.

Он мог обмануть Чжан Цинъи, но не Сяо Чжэнъяня.

Улыбка сказала на новой ране на груди, заставив его слегка нахмуриться. Надавив на левую грудь, он криво усмехнулся.

Травмированный Тайху Люсяо не считался мастером. Можно винить только самого себя в небрежности. Приемы различных школ соблазнительны в чужих глазах, но они требуют огромной внутренней силы.

Он забит приемами под завязку, но у него нет несравненной внутренней силы и тайных техник. В конечном счете никакого толка нет.

— Разве кроме этого нет никакого решения? — тихо пробормотал Бай Шаоцин, нахмутив брови.

— Это слишком рискованно.

— Но когда я не рисковал за все эти годы?

Он встал и прислонился стройным телом к стволу ивы. Его губы приоткрылись, и он прикусил изумрудно-зеленые листья, колыхающиеся прямо возле его рта.

— Бай Шаоцин, неужели ты готов потратить еще несколько лет, чтобы постепенно повысить свой уровень совершенствования? — спросил он себя. — Неужели ты готов терпеть эти оскорбления и никогда не перейти в новое существование?

В его глазах внезапно вспыхнули унижение и негодование. Моргнув, он подавил их.

Он вздохнул:

— Даже если я могу подождать, матушка не может ждать все эти годы. Увы, я не могу позволить матушке оставаться в доме Бай.

Похоже он принял решение. Закинув на спину узел с вещами, он повернулся и, шаг за шагом, пустился в неведомый путь.

Через несколько дней в большое пустующее поместье в Цзиньлине пришел поразительно изящный красивый молодой человек.

Поместье очень большое, но не пустое, с павильонами и террасами, которые создают особую ауру. Несмотря на то, что он пустует, дом странно чистый.

Бай Шаоцин долго стоял за дверью, будто его очень заинтересовала пара старых медных дверных молотков. Он простоял целых два часа, прежде чем сделать глубокий вдох и шагнуть вперед. Как будто он вступает не в красивое, но ничейное поместье, а в преисподнюю с асурами, которые так пугают обычных людей, и лишь один неверный шаг отделяет его от падения в кипящий котел с маслом.

Когда он распахнул дверь, там щебетали птицы и благоухали цветы.

Повсюду прекрасные пейзажи садов. Видимо некогда здесь проживали богатые и знатные люди, болтали и смеялись крупные ученые, а также рисовали зелень юные девы.

Теперь здесь никого нет. Просто потому, что здесь нет людей, это место, где щебечут птицы, заставляет чувствовать пугающий сильный холод.

С прямой, как палка, спиной, он медленно пошел вперед через внутренний двор, который был настолько чистым, что даже листочка на земле не лежало, затем поднялся по лестнице и вошел прямо в большой зал. Его дух был расслаблен, но тело начеку, а внутреннее дыхание работало без остановки, на случай скрытой атаки.

— Кто ты? — мягкий голос пронесся в воздухе.

Бай Шаоцин остановился, когда достиг середины зала. В гостиной никого не было, как и не было недостатка в столах, стульях, чайной утвари, каллиграфии и живописи, и разных безделушках, которые даже не были запачканы пылью, как будто хозяин только что ушел, и вот-вот вернется, чтобы радушно принять гостя. Однако, Бай Шаоцин знал, что пять лет назад здесь вырезали двести семнадцать человек. Никто из семьи Жун не сбежал, включая слуг, и даже собак подвесили над воротами.

— Кто ты? — снова раздался ленивый мужской голос. — Ты знаешь где находишься?

Бай Шаоцин улыбнулся, оглядываясь по всем четырем сторонам.

— Я знаю, что здесь ветвь культа Цзиньлин. Я также знаю, что ты заместитель главы культа — Шан Лэнхун.

— Хе-хе, — усмехнулся Шан Лэнхун. — Давненько не слышал, чтобы здесь говорили о культах. Полагаю, ты знаешь, почему в этом поместье так тихо?

— Конечно. Только потому, что господин Жун принял старого друга посреди ночи. Но он не знал, что этот старый друг на собрании Улинь поругался с праведным учением от имени культа, чем сильно их оскорбил. В результате он навлек беду на двести семнадцать человек семьи Жун, которых аккуратно повесили в саду Хуай перед домом.

— Те, кто осмелятся оскорбить основное учение, разумеется, будут уничтожены до девятого поколения, дабы продемонстрировать свое величие. И уничтожить девять поколений недостаточно, девять поколений его друзей тоже нельзя пощадить, — расхохотался Шан Лэнхун. — Что касается меня, то когда я приехал сюда, сразу влюбился в этот большой двор.

Бай Шаоцин кивнул.

— Теперь в Цзянху, даже если ты с чем-то не согласен, ради своей семьи, боюсь, никто не осмелится и рта открыть, чтобы отругать праведное учение.

— Разве кое-кто сейчас не ругает?

— У меня нет жены и детей, — легонько улыбнулся Бай Шаоцин. — Изначально это был культ. Почему ты хочешь получить имя праведника, которое искажено до смерти? Дурное влияние, не так ли?

Шан Лэнхун на мгновение замолчал.

— Ты закончил или нет? Ты очень интересный, я даже дам тебе договорить, а потом ты сам выберешь способ своей смерти.

Бай Шаоцин беззаботно произнес:

— Раз уж я такой интересный, может посмотришь на мое представление?

Он выхватил меч и легко отшвырнул ногой мешающие столы и стулья.

Меч поднял ветер.

Бай Шаоцин был похож на дух лисы, непринужденный и спокойный.

— Ну это из долины Тысячи Цветов Цзяннаня. Оглядываясь на улыбку весны.

— Это из Хуашаня. Беззвучие Ветра.

— Это скрытая техника фехтования школы Уцзянь.

— А это техника фехтования Двух Начал школы Тайшань.

Шан Лэнхун назвал больше десяти приемов фехтования разных школ подряд и внезапно

вздохнул:

— Остановись!

Бай Шаоцин действительно остановился. Любой, кто хорошо с ним знаком, знает, что он редко бывает столь послушен.

— Ты Бянь Фу?

— Неплохо.

Шан Лэнхун пренебрежительно произнес:

— Хотя твоя одежда черная, но сам ты очень белый.

Пустые глаза Бай Шаоцина внезапно стали чарующими.

— Хочешь взглянуть поближе? — с улыбкой спросил он, будто этот Шан Лэнхун стоял перед ним.

— Не хочу.

Шан Лэнхун холодно сказал:

— Если я посмотрю, нельзя гарантировать, что меня однажды не найдут мертвым у обочины дороги, и вдобавок рану нанесет моя лучшая Неразрывная Ладонь.

Он сделал паузу, а затем равнодушно спросил:

— Ты обдумал каким способом хочешь умереть?

Это так же просто, как спросить, какую одежду он сегодня наденет.

— Я не хочу умирать, — с достоинством ответил Бай Шаоцин. — Я хочу учиться.

— А я не хочу принимать ученика. Я не учитель.

Бай Шаоцин разглядывал пейзажные картины, развешенные в комнате.

Он спросил:

— Ты когда-нибудь видел человека, который бы мог использовать столько разных техник?

— Я еще ни разу не встречал человека, который мог бы использовать только разных техник, — сказал Шан Лэнхун. — Но твоя внутренняя сила просто ужасна.

Бай Шаоцин по-видимому не услышал и снова спросил:

— Ты уже видел таких как я, с такими же природными данными к боевым искусствам?

— Хотя природные данные хороши, но фундамент недостаточный.

— Итак... — Бай Шаоцин очаровательно рассмеялся. — Разве кто-нибудь из отпрысков четырех великих кланов Цзянху, являясь названным братом главы союза Улинь, искал бы защиты у

праведников?

На сей раз Шан Лэнхун некоторое время молчал.

Через мгновение он медленно вздохнул.

— Нет, — затем он честно добавил: — Такие люди часто умирают даже не успев войти в дверь.

— Я хочу учиться, — честно заявил Бай Шаоцин. — Поскольку моей внутренней силы недостаточно, мои навыки слишком поверхностны.

— Ты хочешь научиться моей Неразрывной Ладони?

Сверх его ожиданий, Бай Шаоцин покачал головой. Холодная усмешка сорвалась с его губ и он неторопливо сказал:

— Я хочу научиться пересекать небо и идти навстречу солнцу.

В этот раз Шан Лэнхун молчал еще дольше. Казалось, амбиции Бай Шаоцина напугали его.

— Мастерство пересечения неба — это высшая боевая техника главного культа. За исключением главы никто не может его использовать.

— Тогда я попрошусь к главе в качестве ученика, — небрежно сказал Бай Шаоцин. — Я знаю, ты должно быть хочешь убить меня.

— Я? Почему?

— Из-за моих превосходных природных данных. Если я стану учеником главы культа, твое положение в мире пошатнется.

Шан Лэнхун замер, а затем расхохотался.

— Ты используешь агрессивные методы, но также ты умен. Если я опрометчиво убью тебя, разве глава культа не заподозрит меня?

— По крайней мере позволь мне увидеть скрывающегося главу культа праведников.

Дух Бай Шаоцина был спокоен, хотя его руки не могли удержаться от незаметной дрожи.

Его нельзя было винить, любой смелый человек, оказавшись на дороге к гибели, неизбежно будет немного дрожать.

— Я слышал, его боевые искусства настолько сильны, что во всем мире нет никого, кто мог бы сопротивляться. Он никогда не показывался, но никто не осмелится восстать против культа праведников, который он возглавляет.

Услышав его заинтересованность главой культа, низкий голос Шан Лэнхуна больше не был ленивым. Похоже то, что касается главы, не допускает ни малейшего пренебрежения.

— В таком случае, — порыв ветра ударил точно в акупунктурную точку Бай Шаоцина. Шан Лэнхун произнес: — Дождись решения главы!

Перед глазами все потемнело, и Бай Шаоцин упал с улыбкой на губах.

На восходе луны в воздухе плавал тонкий аромат.

Опущенный шелковый полог раздувал прохладный ветерок.

Длинные густые ресницы слегка задрожали и Бай Шаоцин открыл глаза.

В этот момент он пришел в замешательство и даже казался наивным и милым; однако уже через мгновение он вспомнил о своем положении.

Кровать красива и комната тоже весьма очаровательна. Возможно, это была комната старшей дочери семьи Жун.

За дверью медленно показался человек. Одежда из первоклассной шелковой ткани, сапоги, изготовленные на заказ в столице стариком Ли, в руках складной веер, источающий слабый тонкий аромат.

К сожалению о его лице нельзя сказать ничего лестного.

Простоватое лицо обычного деревенского богача.

— Хорошо спалось? — его голос не соответствовал лицу; низкий и мягкий, с неопишуемым оттенком лени. — Эта комната — спальня дочери семьи Жун. Ради нее старикашка Жун вызвал умельцев из Дунхая, чтобы они сделали для нее эту кровать. Поскольку при жизни человек проводит много времени в кровати.

Бай Шаоцин был несколько поражен. Ему и в голову не могло прийти, что заместитель главы культа будет так похож на деревенского землевладельца.

— Это очень удобная кровать. Жаль, дочь Жун недолго спала на ней, — Бай Шаоцин прямо спросил: — Заместитель главы Шан, глава культа согласился принять меня в ученики?

Сузившиеся глаза Шан Лэнхуна скользнули по лицу Бай Шаоцина.

— Принятие ученика не может быть без подношения учителю.

— Что для главы культа является подношением учителю?

— В течение одного месяца завладей изумрудным мечом молодого господина семьи Фэн.

Бай Шаоцин оцепенел:

— Изумрудным мечом?

— Ты не побратался с Фэн Луном? Глава любезно предоставил тебе эту возможность. Разве это не из-за твоей странной личности?

Можно сказать, личность Бай Шаоцина действительно странная.

У скольких людей в Цзянху личность более неудобная, чем у него?

Бай Шаоцин вздохнул. Он вспомнил как Фэн Лун обеими руками протянул ему изумрудный меч

в башне Тансяо. Поистине лакомый кусочек, но, к сожалению, еще и ядовитый. Учитывая проницательность Бай Шаоцина, как он мог не знать, что Фэн Лун снова прощупывал его.

К чему ученому изумрудный меч? Лишь Бянь Фу на него позарится.

Бай Шаоцин пару раз вздохнул и кивнул.

— Через месяц я заполучу изумрудный меч Фэн Луна.

— Хэй-хэй! В обмен на зеленый меч, ты станешь учеником моего главы. Думаю, это недорого для тебя, — Шан Лэнхун улыбнулся и похлопал Бай Шаоцина по плечу. — А теперь уходи! Не обижайся за напоминание, но если ты не принесешь изумрудный меч в течение месяца, тогда не сможешь стать членом культа. Ты нарушил границу моего алтаря, разумеется, этот заместитель главы найдет тебя, чтобы рассчитаться.

Бай Шаоцин был холоден, как хризантема, будто даже не слушал предостережения Шан Лэнхуна.

Он вышел со двора.

Высоко в небе светила луна. Человек медленно шел по дороге под ее светом.

Прохладно и уютно, стрекочут насекомые, но даже в таком расслабляющем окружении Бай Шаоцин оставался настороже.

Он должен быть осторожным, чтобы не увидеть песни и танцы, которые в одно мгновение превращаются в кровавый ветер и дождь? Чем место приятнее, тем оно смертоноснее.

Так и он: кажется таким слабым и уязвимым, но способен безжалостно убивать людей.

<http://bllate.org/book/15169/1340536>